

ФРАНЦ КАФКА

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Эксклюзивная классика (АСТ)

Франц Кафка

Превращение (сборник)

«ФТМ»
«АСТ»

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

Кафка Ф.

Превращение (сборник) / Ф. Кафка — «ФТМ», «АСТ», — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-101311-0

В сборник вошли наиболее известные «малые» произведения Кафки разных лет. Здесь и так называемые кафкианские кошмары – «Превращение», «В исправительной колонии», и изящные притчи, сатирические рассказы и миниатюры, а также дневниковая проза.

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-17-101311-0

© Кафка Ф.
© ФТМ
© АСТ

Содержание

Описание одной схватки 6
I 7
II 13
1. Скачка 13
2. Прогулка 13
3. Толстяк 16
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Франц Кафка
Превращение (сборник)

© Перевод. С. Апт, наследники, 2017
© Перевод. В. Топер, наследники, 2017
© Перевод. Е. Мехелевич, наследники, 2017
© Перевод. В. Станевич, наследники, 2017
© Перевод. И. Щербакова, 2017
© Перевод. М. Рудницкий, 2017
© Перевод. Ю. Архипов, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Описание одной схватки

И в одежде бродят люди
Там по берегу бесцельно,
И под небом, что простерлось
От одних холмов далеких
До других холмов вдали.

Перевод Е. Михелевич

I

Около двенадцати часов некоторые гости встали, раскланялись и пожали друг другу руки, сказав, что им было очень приятно; сквозь широко распахнутые двери они вышли в прихожую, чтобы одеться. Хозяйка дома стояла посреди залы и так изящно изгибалась, раскланиваясь, что ее платье ложилось красивыми складками.

Я сидел за маленьким столиком на трех тонких кривых ножках и потягивал бенедиктин – то была уже третья рюмка за этот вечер, – одновременно оглядывая небольшую горку пирожных, которые я сам выбрал и положил себе на тарелочку; пирожные были отменные.

Тут ко мне подошел мой новый знакомый и, слегка рассеянно улыбнувшись моему занятию, сказал дрожащим голосом: «Простите, что я нарушил ваше одиночество. Но я все это время провел в одной из боковых комнат наедине с моей девушкой. С половины одиннадцатого, то есть совсем не так уж долго. Простите, что я вам это сообщаю. Ведь мы друг друга совсем еще не знаем. Не правда ли, мы ведь только встретились на лестнице и сказали друг другу несколько любезных слов, а теперь я вдруг рассказываю вам о своей девушке, но – еще раз прошу вас – извините, счастье переполняет меня, и я просто не смог удержаться. А поскольку у меня нет здесь знакомых, которым я мог бы довериться…»

Он говорил и говорил. А я грустно поглядел на него – фруктовое пирожное, которое я как раз откусил, пришлось мне совсем не по вкусу – и сказал прямо в его раскрасневшееся лицо: «Я рад, что кажусь вам достойным вашего доверия, но огорчен сказанным вами. И вы сами – не будь так возбуждены – несомненно почувствовали бы, насколько неуместно рассказывать о любящей девушке человеку, сидящему в одиночестве с рюмкой спиртного».

Услышав эти слова, он рывком опустился на стул и откинулся на спинку, безвольно свесив руки. Но потом, согнув их, он уперся локтями в спинку стула и начал говорить довольно громко, но как бы про себя: «Мы были в комнате совсем одни – я и Аннерль, – и я ее целовал – целовал – я ее целовал – ее губы, ее уши, ее плечи».

Несколько мужчин, стоявших поблизости, решили, что мы с ним оживленно беседуем, и, зевая, подошли к нашему столику. Поэтому я встал и громко сказал: «Хорошо, раз вы настаиваете, я пойду, но сейчас глупо идти пешком на холм Лаврентия, так как еще холодно, а поскольку к тому же и выпал снег, то на улице скользко, как на катке. Но раз вы настаиваете, я пойду с вами».

Сначала он уставился на меня и от удивления даже открыл рот: губы у него были толстые, яркие и влажные. Но потом, заметив мужчин, уже вплотную приблизившихся к нам, он засмеялся, встал со стула и сказал: «О нет, холодный воздух сейчас будет нам весьма кстати, наше платье пропиталось духотой и табачным дымом, к тому же я, вероятно, слегка опьянел, хотя и выпил совсем немного, – да, мы простимся и пойдем».

Мы направились к хозяйке дома, и когда он поцеловал ей руку, она сказала:

– Я на самом деле очень рада, что ваше лицо сегодня сияет от счастья, потому что обычно вид у вас очень серьезный и даже скучающий».

Ее доброта тронула его, и он еще раз поцеловал ее руку; в ответ она улыбнулась.

В прихожей стояла горничная, которой мы до того не видели. Она помогла нам надеть пальто и взяла со стола небольшую лампу, чтобы посветить нам на лестнице. Да, эта девушка была очень хороша собой. Шея ее была обнажена, ее обвивала лишь тоненькая бархотка под самым подбородком, а угадывающееся под просторным платьем тело красиво выгибалось, когда она спускалась перед нами по лестнице, освещая лампой ступеньки. Щеки ее рдели румянцем от выпитого вина, а губы были полуоткрыты.

Внизу она поставила лампу на ступеньку, слегка пошатываясь, шагнула к моему новому знакомцу, обвила его шею руками, впилась в него поцелуем и так застыла. Только когда я

догадался сунуть ей в руку монетку, она медленно, как бы сонно, разжала объятия, так же медленно отперла входную дверь и выпустила нас в ночную темь.

Над пустынной, равномерно освещенной улицей висела огромная луна на покрытом легкими облачками и потому казавшемся еще более просторным небе. Земля была запорошена свежим снегом. Ноги скользили и разъезжались, так что идти приходилось мелкими шагами.

Едва оказавшись на улице, я вдруг ни с того ни с сего развеселился. Стал почему-то высоко задирать ноги, так что они забавно потрескивали в суставах, потом выкрикивал какое-то имя, словно вслед свернувшему за угол приятелю, прыгал, подбрасывая в воздух и ловя свою шляпу, как бы рисуясь своей ловкостью.

Но мой знакомец как ни в чем не бывало шагал рядом, глядя под ноги и не говоря ни слова.

Это меня удивило, ибо я ожидал, что от радости он начнет безумствовать, как только избавится от зрителей. Я поутих. И едва только собрался ободряюще хлопнуть его по спине, как меня охватил стыд, я довольно неуклюже отдернул уже занесенную руку. За ненадобностью я сунул ее в карман пальто.

Так мы с ним и шли в молчании. Я прислушивался к звуку наших шагов и никак не мог понять, почему мне не удается подладиться к его походке. Это меня немного заняло. Луна светила вовсю, видно было, как днем. Там и сям из окон высовывались люди, наблюдая за нами.

Когда мы дошли до улицы Фердинанда, я заметил, что мой знакомец стал напевать какую-то мелодию: пел очень тихо, но я услышал. Его поведение показалось мне оскорбительным. Почему он со мной не разговаривает? Если я ему не нужен, почему он прицепился ко мне? Я с досадой вспомнил о прекрасных пирожных, которые из-за него пришлось оставить на столике. Вспомнился мне и бенедиктин, и я немного повеселел, даже, можно сказать, развеселился. Я упер руки в боки и вообразил, будто я один и просто вышел прогуляться. Я был в гостях, там спас от постыдной сцены одного неблагодарного молодого человека и теперь гуляю при лунном свете. Весь день – в конторе, вечером – в гостях, ночью – прогулка по улице, все в меру. Абсолютно естественный образ жизни!

Однако мой знакомец все еще шел за мной, более того, он даже ускорил шаги, заметив, что отстал, причем держался так, будто это было вполне естественно. А я подумал, не лучше ли мне свернуть сейчас в какой-нибудь переулок, ведь не обязан же я гулять в его обществе. Я мог идти домой сам по себе, и никто не имел права чинить мне препятствия. Дома я зажгу настольную лампу на железной подставке и сяду в кресло, стоящее на потертом восточном ковре. Подумав так, я почувствовал, как меня одолевает слабость, наваливающаяся на меня всякий раз, как вспомню, что мне придется вернуться в свое жилище и вновь провести много часов в одиночестве среди этих выкрашенных масляной краской стен, на этом полу, который, отражаясь в зеркале, висящем на задней стене, кажется наклонным. Ноги мои стали подламываться от усталости, и я совсем было решил в любом случае немедленно идти домой и лечь в постель, как вдруг засомневался, следует ли мне при этом попрощаться с моим знакомцем или нет. Но я был слишком робок, чтобы уйти, не попрощавшись, и слишком слаб, чтобы громко крикнуть слова прощанья, поэтому я опять остановился и, прислонившись к освещенной луной стене какого-то дома, стал его поджидать.

Он догнал меня бодрым шагом, но казался слегка озабоченным. При этом он еще что-то на себя напускал, подмигивал мне, воздевая руки к небу, вытягивал в мою сторону шею, вертел головой, увенчанной черной шляпой, желая, видимо, показать, что оценил по достоинству мою шутку, которой я хотел его развеселить. Растерявшись, я только тихо сказал: «Веселый вечерок выдался нынче». При этом я издал какой-то нервный смешок. Он ответил: «Верно. А вы видели, что и горничная тоже меня поцеловала?» Я не мог ему ответить, потому что в горле у меня стояли слезы, и протрубил на манер рожка почтовой кареты, только чтобы не промолчать. Он сперва зажал уши, потом в знак дружеской благодарности пожал мне правую руку. Видимо,

она показалась ему чересчур холодной, потому что он сразу ее выпустил, сказав: «Ваша рука очень холодна, губы горничной были теплее, о да». Я понимающе кивнул. И мысленно моля Бога придать мне стойкости, произнес: «Да, вы правы, сейчас нам пора разойтись по домам, уже поздно, а завтра утром мне идти на работу: представьте себе, у нас в конторе можно и поспать, но делать это не полагается. Вы правы, мы пойдем по домам». При этом я протянул ему руку, как бы считая вопрос исчерпанным. Но он, улыбаясь, подхватил мой способ уходить от ответа: «Да, вы правы, такую ночь нельзя проспать. Представьте себе, сколько счастливых мыслей мы душим под одеялом, если спим одни в своей постели, и сколько горестных снов она согревает». И от радости, что сумел так ловко ответить, он схватил меня за отвороты пальто – выше он просто не достал – и начал меня энергично трясти; потом прищурился и сказал доверительным тоном: «Знаете, кто вы такой? Вы – чудак». С этими словами он зашагал дальше, и я, незаметно для себя, поплелся за ним, потому что его слова заставили меня задуматься.

Сначала я обрадовался, ибо они показывали, что он предполагал во мне нечто, чего во мне не было, но само это предположение вызывало у него уважение ко мне. От такого отношения я просто расцветаю. Я был доволен, что не ушел домой, и мой знакомец приобрел в моих глазах большую ценность, как человек, выделяющий меня из других людей без всяких усилий с моей стороны! Я посмотрел на него восхищенными глазами. Мысленно я уже защищал его от всевозможных опасностей, в особенности от соперников и ревнивцев. Его жизнь вдруг стала мне дороже моей. Я нашел, что он красив, был горд его успехом у женщин, мне как бы досталась часть тех поцелуев, которые в этот вечер он получил от двух девушек сразу. О, этот вечер и впрямь был веселый! Завтра мой знакомец будет беседовать с фройляйн Анной; сперва, как это принято, о каких-то обыденных вещах, а потом вдруг скажет: «Вчера ночью я общался с человеком, какого ты, милая Аннерль, наверняка еще ни разу в жизни не встречала. На вид он похож – как бы лучше выразиться – на покачивающуюся жердь, на которую сверху как-то косо насажен череп, обтянутый желтой кожей и покрытый черными волосами. Тело его обвешано множеством мелких, ярких и желтоватых кусков ткани, которые вчера прикрывали его полностью, ибо ночь была тихая, и ткань гладко прилегала к телу. Он робко шел рядом со мной. Милая Аннерль, ты умеешь так сладко целоваться, но я уверен, что, увидев его, ты бы и засмеялась, и испугалась; а я, чья душа растаяла от любви к тебе, я был рад его присутствию. Вероятно, он очень несчастен, потому и молчалив, и все же рядом с ним ощущаешь какое-то счастливое беспокойство, которое не кончается. Ведь вчера я был поглощен собственным счастьем и все же почти забыл о тебе. Мне показалось, будто с каждым вздохом его впалой груди вздымается твердый свод звездного неба. Линия горизонта исчезает, и под пылающими облаками взору открываются такие бескрайние дали, которые делают нас счастливыми. Боже, как я люблю тебя, Аннерль, твой поцелуй мне милее любых далей. Не будем больше говорить о нем, станем просто любить друг друга».

Когда мы с ним медленно зашагали по набережной, я хоть и завидовал поцелуям, полученным моим знакомцем, но с радостью ощущал и скрытое чувство стыда, которое он, наверное, должен был испытывать по отношению ко мне – такому, каким я ему представлялся.

Так я думал. Но мысли мои смешались, потому что Влтава и улицы на другом ее берегу были погружены во мрак. Лишь редкие фонари горели, как бы перемигиваясь со мной.

Мы с ним остановились у парапета. Я надел перчатки, так как от реки веяло холодом: потом я без всякой на то причины глубоко вздохнул, как вздыхаешь ночью у реки, и хотел было идти дальше. Но мой знакомец неотрывно глядел на воду и не двигался. Потом он подошел еще ближе к парапету, оперся локтями о железную перекладину и уронил лоб в ладони. Я счел это глупой выходкой. Мне было холодно, и я поднял воротник пальто. А мой знакомец вдруг выпрямился и, держась вытянутыми руками за перекладину, перевесился через парапет. Пристыженный, я поторопился заговорить, чтобы скрыть зевоту: «Не правда ли, странно, что только ночь, она одна, способна полностью погрузить нас в воспоминания. Вот сейчас, напри-

мер, я вспомнил о таком случае. Однажды вечером я сидел на скамье у какой-то реки. Сидел я, положив руку на деревянную спинку и склонив голову на руку, смотрел на призрачные горы за рекой и слушал нежную мелодию скрипки, доносившуюся из ближней гостиницы. По обоим берегам время от времени медленно тащились поезда с хвостом искрящегося дыма». Так я говорил, а сам судорожно старался придумать какую-нибудь диковинную любовную историю, пусть даже с грубыми нравами и изнасилованием.

Но едва я успел произнести первые несколько слов, как мой знакомец равнодушно обернулся ко мне и – как мне показалось, – просто удивленный тем, что я все еще здесь, сказал: «Видите ли, со мной всегда так. Сегодня, когда я спускался с лестницы, чтобы прогуляться перед тем, как отправиться в гости, я удивился, заметив, что при ходьбе как-то слишком энергично размахиваю руками, обрамленными белыми манжетами. Я тут же понял, что меня ждет приключение. И так со мной всегда». Последние слова он сказал уже на ходу и как бы между прочим, словно некое побочное умозаключение. Но меня оно очень тронуло, и я заволновался, не раздражает ли его моя долговязая фигура, рядом с которой он кажется недорослком. Это обстоятельство мучило меня, хотя на дворе была ночь и мы почти никого не встретили, да так сильно мучило, что я сгорбился, стараясь казаться ниже, и мои руки стали доставать до колен. Но для того, чтобы мой знакомец ничего не заметил, я менял осанку весьма осторожно и постепенно и отвлекал его внимание от моей особы всевозможными замечаниями по поводу деревьев на Стрелецком острове и отражений мостовых фонарей в реке. Но он вдруг резко обернулся ко мне и довольно мягко заметил: «Почему вы так сутулитесь? Вы согнулись в три погибели и стали чуть ли не одного роста со мной!»

Он сказал это по-доброму, и поэтому я ответил: «Может, и так. Но мне такая осанка приятнее. Видите ли, я слаб здоровьем, и мне трудно держаться всегда прямо. Это не так уж просто, ведь я такой долговязый».

Он возразил с некоторым недоверием: «Это просто ваш каприз. Ведь до этого вы держались совершенно прямо, как мне кажется, да и в гостях не сутулились. Даже танцевали там. Или нет? Но прямо вы все-таки держались и сейчас вполне можете выпрямиться».

Но я настаивал на своем и даже выставил ладонь, защищаясь: «Да-да, я держался прямо. Но вы меня недооцениваете. Я знаю, что такое хорошие манеры, и поэтому сутулюсь».

Эта мысль оказалась слишком сложной для него, ибо, поглощенный своим счастьем, он не уловил логической связи в моих словах и, проронив: «Ну, как вам будет угодно», – посмотрел на часы Мельничной башни: было уже около часу.

А я сказал сам себе: «До чего же этот человек бессердечен! До чего явно и нескрываемо безразличен к проявленной мной деликатности! А все потому, что он счастлив, счастливые люди находят естественным все, что происходит вокруг них. Счастье наводит глянец на все окружающее. И если бы я сейчас прыгнул в воду или на его глазах в конвульсиях забился прямо здесь, на мостовой, под этой аркой, я бы вписался в благополучную картину его счастья. Более того, если бы на него вдруг нашло, – а счастливые люди, несомненно, очень опасны, – он бы запросто мог меня убить. Я в этом уверен, как, впрочем, и в том, что я трус и от страха не осмелился бы даже закричать. Боже сохрани!» В испуге я огляделся. Вдалеке, перед каким-то кафе с темными прямоугольными стеклами улицу переходил полицейский. Сабля ему немного мешала при ходьбе, и он придерживал ее рукой, так ему было удобнее. Услышав на довольно значительном расстоянии, что он еще и напевает, я окончательно уверился, что он меня не спасет, если мой знакомец захочет меня прикончить.

Зато теперь я точно знал, что мне делать, ибо именно в преддверии ужасных событий на меня снисходит необычная решительность. Мне нужно убежать. Сделать это очень просто. Теперь, при повороте к Карлову мосту налево, я мог улизнуть через Карлов переулок направо. Переулок этот извилист, там есть и темные подворотни, и винные погребки, которые все еще открыты; так что отчаиваться нечего.

И когда мы с ним вышли из-под арки моста в конце набережной, я стремглав бросился в переулок; но, добежав до боковой дверцы в стене церкви, я растянулся, споткнувшись о ступеньку, которой не заметил. Упал с грохотом. Ближайший фонарь был далеко, я лежал в полной темноте. Из винного погребка напротив вышла толстая баба с коптящей лампой в руках, чтобы посмотреть, что случилось. Доносившаяся из погребка музыка оборвалась, и какой-то мужчина распахнул настежь дверь, которую баба оставила полуоткрытой. Он смачно сплюнул на ступеньку и, пощекотав бабу между грудей, заметил: «Что бы там ни случилось, никакого значения не имеет». Потом баба повернулась, и дверь за ними захлопнулась.

Попытавшись встать, я тут же вновь упал. «Гололедица», – сказал я вслух и почувствовал сильную боль в колене. И все же был рад, что люди из погребка меня не заметили; поэтому счел за лучшее остаться здесь до рассвета.

Знакомец же мой, видимо, дошел в одиночестве до моста, не заметив моего исчезновения, ибо подошел ко мне лишь через довольно долгое время. На его лице не было видно удивления, когда он сочувственно наклонился ко мне и мягкой ладонью погладил меня по лицу. Он ощупал мои скулы, потом притронулся двумя пальцами к моему низкому лбу: «Вы сильно ушиблись, да? Сейчас гололед, нужно быть осторожным… Голова болит? Нет? Ага, колено, так-так». Он говорил нараспев, словно рассказывал какую-то историю, причем весьма приятную, в которой речь шла о чьем-то другом, а вовсе не о моем колене, и о чьей-то другой боли. Руками он тоже двигал, но вовсе не для того, чтобы меня поднять. Я подпер голову правой ладонью – локоть при этом упирался в каменную плиту – и сказал быстро, чтобы не забыть: «Собственно говоря, я сам не знаю, почему побежал направо. Просто я увидел под аркадами этой церкви – не знаю, как она называется, о, простите, пожалуйста, – кошку. Маленькую такую кошку со светлой шерсткой. Потому я ее и заметил. … Нет, извините, дело совсем не в кошке, но так утомительно целый день держать себя в руках. Ведь и спим мы для того, чтобы набраться для этого сил; а если не спишь, то нередко с нами случаются совершенно бессмысленные вещи; однако со стороны посторонних было бы невежливо громко выражать свое удивление по этому поводу».

Мой знакомец, держа руки в карманах, посмотрел в сторону безлюдного в этот час моста, потом на костел Святого Креста и перевел взгляд на звездное небо. Поскольку он не слушал меня, то робко сказал: «Да, почему вы молчите, дорогой; вам плохо? Да, почему вы, собственно, не встаете? Здесь холодно, вы простудитесь, а кроме того, мы с вами ведь собирались пойти на холм Лаврентия».

«Конечно, – ответствовал я с земли, – простите»; и я самостоятельно поднялся, хотя и было очень больно. Меня шатало, так что мне пришлось уцепиться взглядом за статую Карла Четвертого, чтобы проверить, прочно ли я стою на ногах. Однако лунный свет был так изменчив, что и Карл Четвертый оказался движущимся. Я очень удивился этому обстоятельству, и ноги мои тотчас окрепли – от страха, что Карл Четвертый рухнет, если я не стану устойчивее. Позже я счел свои усилия бесполезными, ибо Карл Четвертый все-таки рухнул – как раз в ту минуту, когда я вообразил, что меня любит девушка в красивом белом платье.

Я делаю ненужное и многое упускаю. Ведь какая удачная была мысль насчет девушки в белом! Как добра была ко мне – луна, одарившая и меня своим светом; из скромности я уже хотел спрятаться от него под сводами Мостецкой башни, как вдруг понял, что луна, естественно, освещает все подряд. Поэтому я даже радостно развел руки в стороны, чтобы подставить всего себя лунному свету. И тут мне вспомнился стих:

Я несся по улицам,
Словно пьяный бегун,
Оглашая топотом воздух.

И на душе стало легко, когда я без боли и усилий двинулся вперед, делая вялыми руками плавательные движения. Голове было приятно соприкасаться с холодным воздухом, а любовь девушки в белом привела меня в состояние сладостной грусти, ибо мне казалось, словно я уплываю прочь от возлюбленной и от призрачных гор ее родины. И я вспомнил, что некогда ненавидел одного знакомого счастливца, который, вероятно, все еще находится рядом со мной, и обрадовался, что память моя так еще хороша, что хранит даже столь незначительные факты. Ибо памяти нашей приходится выносить многое. Так, неожиданно выяснилось, что я знаю названия всех звезд на небе, хотя никогда раньше их не знал. Имена были, правда, какие-то странные, трудно запоминаемые, но я знал их все до единого и в точности. Я поднял вверх указательный палец и громко произнес названия некоторых из них. Но вскоре мне пришлось прерваться, поскольку надо было плыть дальше, если я не хотел утонуть. Но чтобы мне потом не могли сказать, мол, по мостовой каждый может плавать, так что не стоит об этом и рассказывать, я одним рывком перемахнул через парапет и вплавь обогнул каждую статую моста, которая мне встретилась. У пятой статуи, как раз когда я взмахнул руками над мостовой, знакомец схватил меня за запястье. Так я опять оказался на каменных плитах и почувствовал боль в колене. Я забыл названия звезд, а о милой девушке я помнил только, что она носила белое платье, но никак не мог припомнить, какие у меня были основания думать, что она меня любит. Во мне поднялась сильная и вполне законная злость на собственную память и страх потерять эту девушку. Поэтому я стал напряженно и непрерывно повторять «белое платье, белое платье», чтобы хотя бы этим единственным признаком удержать девушку. Но это не помогло. Знакомец все настойчивее вторгался в мои мысли своими словами, и в тот момент, когда я начал их понимать, вдоль парапета скользнул слабый лучик, мелькнул в Мостецкой башне и скрылся в темном переулке.

«Я всегда очень любил руки того ангела, что слева, – сказал мой знакомец, показывая на статую святой Людмилы. – Они такие нежные, а пальчики такие тонкие, что даже дрожат. Но с сегодняшнего вечера я к ним безразличен; имею право так говорить, потому что сегодня я целовал другие руки». Тут он обнял меня, стал целовать мое платье и, наконец, ткнул лбом в живот.

Я сказал: «Да-да, я вам верю. Не сомневаюсь»; при этом я щипал его в икры ног той рукой, которую удалось высвободить. Но он ничего не чувствовал. Тогда я спросил себя: «Почему ты остаешься с этим человеком? Ты его не любишь, но и не ненавидишь, ибо счастье его составляет одна девушка, а ты даже не знаешь, носит ли она белое платье. Значит, этот человек тебе безразличен, повтори: безразличен. К тому же он еще и небезопасен, как выяснилось. Так что иди с ним на холм Лаврентия, поскольку ты все равно уже на улице, а ночь так хороша; но не мешай ему говорить и держись сам по себе. Таким манером – говорю это шепотом – ты защитишь себя наилучшим образом».

II
Развлечения, или Доказательство того, что жить невозможно

1. Скачка

С необычайной ловкостью я вспрыгнул моему знакомцу на плечи и, ткнув кулаками в спину, заставил бежать легкой рысью. А как только он начинал недовольно топать ногами или даже останавливаться, я пинал его башмаками в живот, чтобы взбодрить. Дело пошло, и мы на хорошей скорости въехали внутрь обширной, но еще не готовой к моему прибытию местности, где время близилось к вечеру.

Проселочная дорога, по которой я ехал, была каменистая и довольно круто поднималась вверх, но мне как раз это нравилось, и я сделал ее еще каменистее и еще круче. Как только мой знакомец спотыкался, я дергал его за волосы, а как только он вздыхал, я бил его кулаком по темени. При этом я чувствовал, как хорошо на меня действует эта вечерняя скачка; придя в отличное расположение духа, я решил придать ей еще больше лихости и заставил встречный ветер сильными порывами дуть нам в лицо. Потом я стал еще и нарочито высоко подскакивать на широких плечах моего знакомца и, охватив руками его шею, откинул голову назад, так что мог смотреть на неповоротливые облака, передвигавшиеся по небу с меньшей скоростью, чем я по земле. Я смеялся и весь дрожал от храбрости. Пальто мое летело за мной по воздуху, придавая мне еще больше силы. При этом я накрепко сцепил руки и сделал вид, будто не понимаю, что тем самым душу моего знакомца.

А небу, которое мало-помалу скрылось за густыми кронами деревьев, выросших по моей воле на обочинах дороги, я крикнул в азарте бешеной скачки: «Некогда мне слушать влюбленные бредни, у меня и других дел хватает. Зачем он ко мне привязался, этот влюбленный болтун? Все они счастливы, особенно если есть с кем поделиться. Они думают, что им выпал счастливый вечер и уже от одного этого радуются предстоящей жизни».

Тут мой знакомец рухнул на землю, и, осмотрев его, я обнаружил, что он сильно расшиб колено. Поскольку я больше не мог воспользоваться им, я оставил его на каменистой дороге и только свистнул коршунам в небе, чтобы они спустились его охранять; несколько птиц покорно уселись на нем с серьезным выражением клювов.

2. Прогулка

А я обязательно пошел дальше пешком. Но пешком идти вверх по горной дороге я побаивался, поэтому дорога согласно моему желанию стала пологой и в конце концов где-то вдали стала опускаться в долину.

Камни тоже исчезли таким же путем, ветер улегся и растворился в вечернем воздухе. Я шагал в хорошем темпе, а так как дорога шла под гору, то я задрал голову, выпрямился и скрестил руки за головой. Поскольку я люблю сосновые леса, дорогу обрамлял сосновый лес, а поскольку я люблю молча глядеть на звездное небо, то на распростертом надо мной куполе медленно и спокойно выступили звезды, как они всегда это делают. Я заметил лишь несколько облаков удлиненной формы – их гнал ветер, дувший лишь на их высоте.

На довольно большом удалении от дороги, по которой я шел, вероятно, по ту сторону какой-то реки, я пожелал увидеть высокую гору; гора тут же возникла; ее вершина, поросшая густым кустарником, упиралась в небо. Я еще мог явственно различить маленькие веточки и

колыхания верхних ветвей. Как ни обычен этот вид, он меня так обрадовал, что я, оборотившись в птичку, качающуюся на ветках этих далеких колючих кустов, совсем позабыл выпустить на небо луну, которая уже ждала за горой, вероятно, досадуя на меня за задержку.

Но вот уже вершину горы залил холодный свет, предшествующий восхождению луны, и она выплыла собственной персоной из-за какого-то качающегося куста. А я, все это время смотревший в другую сторону, теперь поглядел прямо перед собой и вдруг увидел луну, светившую мне в лицо почти полным кругом: я остановился с тоской в глазах, ибо моя полого спускавшаяся вниз дорога, как мне показалось, прямиком упиралась в этот страшный светящийся круг.

Но вскоре я уже свыкся с луной и вдумчиво наблюдал, с каким трудом она поднималась по небу, пока наконец, когда мы с ней уже прошли навстречу друг другу довольно большое расстояние, не почувствовал приятную сонливость, которая, как мне подумалось, навалилась на меня из-за утомительных событий дня, о которых я, правда, уже ничего не помнил. Какое-то время я шел с закрытыми глазами и не давал себе заснуть, громко и ритмично хлопая в ладоши.

Однако потом, когда дорога стала угрожающе ускользать у меня из-под ног и от усталости все начало расплываться перед глазами, я бросился к склону справа от дороги и стал лихорадочными движениями карабкаться по нему вверх, чтобы успеть вовремя добраться до высокого и густого соснового бора, в котором собирался провести ночь. Торопиться было необходимо. Звезды уже начали гаснуть, и луна, потускнев, утонула в небе, словно в текучей воде. Гора уже стала частью ночи, дорога обрывалась на том самом месте, где я бросился к склону, а из чащи леса на меня надвигался треск падающих деревьев. Я бы мог тут же улечься на мох спать, но боюсь муравьев; поэтому я вскарабкался на дерево, обхватив его ствол ногами; дерево это тоже уже раскачивалось, хотя никакого ветра не было, лег на сук, прислонив голову к стволу, и быстро заснул, в то время как по моему капризу на конце сука появилась белочка, уселась, задрав хвостик, и стала раскачиваться.

Спал я крепко и снов не видел. И не проснулся ни при заходе луны, ни при восходе солнца. И даже начав просыпаться, я сам себя успокоил, сказав: «Вчера ты переутомился, так что поспи еще», и вновь заснул.

Но несмотря на то, что снов я не видел, сон мой сопровождался непрерывными тихими звуками. Всю ночь напролет кто-то, находившийся совсем рядом, что-то мне говорил. Я почти не мог разобрать слов, разве что какие-то обрывки фраз вроде «скамья у реки», «призрачные горы», «поезда с хвостом искрящегося дыма», и слышал скорее лишь ударение в словах; помнится, во сне я еще потирал руки от радости, что сплю, а потому и не обязан разбирать каждое слово.

До полуночи голос говорящего был до обидного весел. Я перепугался, так как решил, что кто-то внизу подпиливает мое дерево, которое и без того уже качалось. После полуночи голос посерьезнел и стал глуше, между отдельными фразами возникали паузы, словно он отвечал на вопросы, которых я не задавал. Я почувствовал себя уверенным и даже разрешил себе потянуться. К утру голос стал приветливее. Ложе говорившего, видимо, было не надежнее моего, ибо теперь я заметил, что голос его доносился с одного из соседних сучьев. Тут я осмелел и повернулся к нему спиной. Это его явно огорчило, потому что он перестал говорить и молчал так долго, что утром, когда я уже отвык от его голоса, меня разбудил его вздох.

Я посмотрел на затянутое облаками небо, не только простиравшееся над моей головой, но окружавшее меня со всех сторон. Облака были такие тяжелые, что тащились понизу надо мхом, натыкались на деревья, цеплялись за ветки. Некоторые ненадолго опускались на землю или застревали между стволами, пока сильный порыв ветра не гнал их дальше. Почти все облака тащили на себе елочные шишки, обломки веток, дымовые трубы, дохлую дичь, полотнища

флагов, флюгеры и другие, чаще всего непонятные предметы, подобранные ими с земли где-то в далекой дали.

Я сидел съежившись на своем суку и бдительно следил за тем, чтобы вовремя отвести от себя надвигавшееся облако или увернуться, если оно широкое. Для меня это был тяжкий труд, поскольку я еще не совсем проснулся, да и тревожился из-за вздохов, которые, как мне казалось, все еще часто слышались. Как же я удивился, однако, когда заметил, что чем увереннее я себя чувствовал, тем выше и шире простиралось надо мной небо; наконец, зевнув в последний раз, я узнал местность, которую видел накануне вечером; теперь над ней нависали дождевые тучи.

Столь стремительно открывавшаяся мне картина испугала меня. Я задумался, отчего меня занесло в эти места, ведь дорогу сюда я не знал. И мне показалось, что я приблудился сюда во сне, а осознал весь ужас своего положения, только когда проснулся. Но тут, на мое счастье, послышался голос какой-то лесной птицы, и я понял, успокаиваясь, что попал сюда ради собственного удовольствия.

«Жизнь твоя была однообразна, – говорил я сам себе вслух, чтобы получалось убедительнее, – так что тебе на самом деле было необходимо повидать другие края. Можешь быть доволен, здесь весело. И солнышко светит».

Тут появилось солнце, дождливые тучи превратились в маленькие белые и пушистые облачка на голубом небе. Они сверкали и налезали друг на друга. В долине я увидел реку.

«Да, жизнь моя была однообразна, я заслужил это развлечение, – продолжал я как-то вымученно убеждать самого себя, – но ведь и опасностей хватало». И тут я услышал чей-то вздох совсем рядом.

Перепугавшись, я хотел было поскорее спуститься вниз, но, поскольку сук дрожал, как и мои руки, я мешком рухнул вниз. Удара я почти не почувствовал, боли тоже, но был так слаб и несчастен, что уткнулся лицом в землю – не мог вынести даже вида окружавших меня предметов. Я был убежден, что любое мое движение и любая мысль будут вымученными и что поэтому я должен от них воздержаться. А вот лежать на траве, прижав к себе руки и спрятав лицо, напротив, самое естественное дело. И я уговаривал себя: мне бы следовало только радоваться тому, что я уже нахожусь в этом естественном положении, ибо в противном случае мне потребовалось бы произвести множество усилий, то есть сделать сколько-то шагов или произнести сколько-то слов, чтобы его достичь.

Но пролежав так совсем недолго, я вдруг услышал чей-то плач. Кто-то плакал недалеко от меня, и я страшно разозлился. Так разозлился, что даже стал обдумывать, кто бы это мог быть. Но только я начал думать, как меня вдруг охватил такой неописуемый ужас, что я с дивной скоростью покатился по земле в сторону дороги и весь в сосновых иглах свалился со склона прямо в дорожную пыль. И хотя глаза мои запорошило так, что я видел окружающее как бы лишь мысленно, я тем не менее тотчас бегом двинулся дальше, чтобы избавиться наконец от преследующих меня призраков.

От бега я тяжело дышал и в смятении чувств утратил власть над своим телом. Я видел, как отрываются от земли мои ноги с выступающими вперед коленными чашечками, но уже не мог остановиться, ибо помимо своей воли широко размахивал руками, словно плясал на веселой вечеринке, а голова сама собой качалась из стороны в сторону. С решимостью отчаяния я все же искал путь к спасению. Тут я припомнил, что где-то поблизости должна быть река, и тотчас, к великой моей радости, заметил отходившую вбок от дороги узенькую тропинку, которая, повиляв по лугам, и вывела меня вскоре на берег.

Река была широкая, сплошь подернутая солнечной рябью. На другом ее берегу тоже простирались луга, сменявшиеся в глубине кустарником, за которым на большом удалении виднелись прозрачные ряды фруктовых деревьев, взбиравшиеся на зеленые холмы.

Обрадованный открывшимся мне видом, я улегся на землю, зажав ладонями уши, чтобы не слышать ужасного плача, и подумал, что здесь мне будет покойно. Ибо местность была безлюдна и красива. Чтобы жить тут, не надо много мужества. Здесь тоже не избежать душевных мук, как и в любом другом месте, но не придется совершать вынужденных телодвижений. Здесь это просто не нужно. Ибо здесь нет ничего, кроме гор и большой реки, а у меня еще хватит ума не считать их живыми существами. И если я вечером споткнусь на неровной луговой тропинке, я буду не более одинок, чем гора, с той лишь разницей, что я это буду чувствовать. Но думается, и это скоро пройдет.

Так я рисовал себе свою будущую жизнь и упорно старался забыть былую. При этом я щурился, глядя в небо, окрашенное в необычайно ликующие тона. Я давно уже не видел такого неба и, растрогавшись, стал припоминать те редкие дни, когда оно казалось мне таким же. Потом разжал уши и опустил на траву раскинутые в стороны руки.

И тут услышал далекие глухие рыдания. Поднялся ветер, и тучи сухих листьев, которых я раньше не видел, с шумом взлетели вверх. С фруктовых деревьев вдруг со стуком посыпались на землю незрелые плоды. Из-за горы выплыли тяжелые грозовые тучи. Под встречным ветром вздыбилась и заклокотала речная зыбь.

Я вскочил на ноги. Сердце болезненно сжалось, ибо теперь я понял, что невозможно вырваться из собственных страданий. И только я решил повернуть вспять, покинуть эти места и вернуться к прежнему образу жизни, как новая мысль пришла мне в голову: «Странно все-таки, что в наше время важные особы все еще переправляются через реку столь трудным способом. Этого ничем не объяснишь, кроме как приверженностью людей к старым обычаям». Я удивленно покачал головой.

3. Толстяк

а) Речь, обращенная к природе

Из кустов на другом берегу реки с шумом выломились четверо полуголых мужчин, неся на плечах деревянные носилки. На них восседал, по-восточному поджав под себя ноги, человек ужасающей толщины. Хотя несли его сквозь кусты без дороги, напролом, он не разводил в стороны колючие ветки, а спокойно раздвигал их своим неподвижным туловищем. Его необъятное тучное тело было так заботливо уложено, что заполняло собою носилки и даже свисало с боков наподобие желтоватого ковра; его это ничуть не заботило. Маленький лысый череп блестел, словно желтый шар. На лице было написано выражение, свойственное простодушному человеку, который погружен в свои думы и не старается этого скрыть. Иногда толстяк прикрывал глаза; когда он их открывал, подбородок у него дергался.

«Эта местность мешает мне думать, – сказал он тихо. – Из-за нее мои мысли качаются, как подвесные мосты на бурной реке. Она прекрасна и потому приковывает к себе».

Я закрываю глаза и говорю: О, зеленая гора у реки, с которой в воду катятся камни, ты прекрасна.

Но горе этого мало, она хочет, чтобы я открыл глаза и смотрел на нее.

Но если я, закрыв глаза, говорю: Гора, я тебя не люблю, ибо ты напоминаешь мне облака, вечернюю зарю и купол неба, а это все вещи, от вида которых я чуть не плачу, ибо их невозможно достичь, когда тебя несут на носилках. И кроме того, показывая мне свою красоту, ты, коварная гора, закрываешь мне вид на далекие дали, а он радует меня, ибо показывает достижимое в прекрасной перспективе. Вот почему я не люблю тебя, гора у реки, нет, я тебя не люблю.

Но и к этой речи гора осталась бы так же безразлична, как и к первой, которую я произнес с открытыми глазами. Она всегда недовольна.

А разве мы не должны во что бы то ни стало настроить ее дружески по отношению к нам, дабы она вообще оставалась на месте и не обрушилась на нас, ведь она так любит иногда полакомиться кашей из наших мозгов. Иначе она прибьет меня своей зазубренной тенью, преградит мне путь отвесными голыми скалами, и мои носильщики станут спотыкаться о каждый камешек на дороге.

Но не только одна гора так тщеславна, так прилипчива и мстительна, все остальное тоже. Вот и приходится мне все время держать глаза открытыми – о, как они болят! – и повторять:

«Да, гора, ты прекрасна, и леса на твоем западном склоне приносят мне радость. И тобой, цветок, я тоже доволен, твой розовый цвет радует мою душу. И ты, трава на лугу, выросла высокой и сочной, и от тебя веет прохладой. И ты, диковинный куст, колешься столь внезапно, что вспугиваешь мои мысли. А ты, река, нравишься мне так сильно, что я прикажу нести меня сквозь твои ласковые воды».

Десять раз подряд громко выкрикнув эту хвалу, сопровождаемую каким-то подобием поклона, толстяк опустил голову и сказал, закрыв глаза:

«Но теперь – прошу вас – гора, цветок, трава, куст и река, – дайте мне немного простора, чтобы я мог дышать».

Тут окружающие горы начали поспешно перемещаться и прятаться за завесой тумана. Ряды фруктовых деревьев хоть и не тронулись с места, оставаясь на прежнем удалении друг от друга, равном примерно ширине дороги, но очертания их растаяли в воздухе раньше, чем все остальное; в это время диск солнца на небе закрыл собою темное облако со слегка просвечивающими краями, в тени которого земля вокруг как бы осела, а все, что на ней, утратило четкие формы.

Шаги носильщиков доносились до моего берега, но разглядеть что-либо на их лицах, казавшихся отсюда просто темными пятнами, я не мог. Видел только, что головы их клонились набок и спины сгибались под неподъемной тяжестью. Их вид вселил в меня тревогу, ибо я понял, что они совсем выбились из сил. Поэтому я не отрываясь следил глазами за тем, как они подошли к краю травянистого берега, как затем ступили на влажный песок – шаг их все еще был ровен, – как наконец вошли в прибрежные камыши, увязая в илистом дне, причем двое задних пригнулись еще ниже, дабы удержать носилки в горизонтальном положении. Я в ужасе сцепил пальцы. Теперь им при каждом шаге приходилось вытаскивать ноги из ила, и тела их, несмотря на прохладу этого переменчивого вечера, заблестели от пота.

Толстяк спокойно сидел, положив ладони на бедра, хотя остроконечные камышовые листья, выпрямляясь за передними носильщиками, хлестали его по голому телу.

Приближаясь к воде, носильщики все чаще сбивались с шага. Иногда носилки покачивались, словно плыли по волнам. Небольшие ямки в заросшем камышом дне приходилось, видимо, перепрыгивать или огибать, так как среди них, вероятно, попадались и глубокие. Вдруг из зарослей с криком вырвалась стая диких уток и круто взлетела вверх, к туче. Тут я увидел на миг лицо толстяка: на нем явно читалась тревога. Я встал и, прыгая с камня на камень, зигзагом спустился по крутому склону к реке. Я не думал, как это опасно, и был озабочен лишь тем, как помочь толстяку, если слуги не смогут его дольше нести. Спускался я так стремительно, что, оказавшись у воды, не мог удержаться и вбежал в реку, вызывая фонтаны брызг; остановился я лишь тогда, когда вода дошла мне до колен.

А тем временем слуги, неестественно изогнувшись, внесли носилки в воду и, загребая свободной рукой, чтобы удержаться на поверхности, четырьмя другими руками, поросшими густым волосом, подпирали снизу носилки, так что над водой видны были только вздувшиеся от напряжения мускулы.

Вода подступила им сперва к подбородку, потом дошла до рта, головы их откинулись назад, и носилки упали им на плечи. Вода плескалась уже у них под глазами, но они все еще не сдавались, хотя не добрались даже до середины реки. Тут волна перехлестнула через головы

двух передних носильщиков, и все четверо молча пошли ко дну, увлекая за собой и носилки. Вода с бульканьем устремилась в воронку.

В эту минуту из-за края огромной тучи выскользнул пологий луч вечернего солнца и сразу преобразил и холмы, и горы вдали, ограничивавшие видимость, в то время как река и ее окрестности, находившиеся под тучей, оставались погруженными в сумрак.

Толстяк, несомый вниз по течению, медленно переваливался с боку на бок на поверхности воды; казалось, то плывет резной божок светлого дерева, выброшенный в реку за ненадобностью. Плыл он, как бы лежа на отражении дождевой тучи. При этом отделившиеся от нее удлиненные облака тащили его вперед, а мелкие и кучные – толкали сзади, так что двигался он довольно быстро и разрезал воду с такой силой, что образуемые им волны плескались о мои колени и камни берега.

Я быстро вскарабкался по склону, чтобы иметь возможность двигаться по берегу параллельно толстяку, которого успел полюбить всем сердцем. А кроме того, я надеялся познакомиться поближе с опасностями, таившимися в этом краю, кажущемся столь безмятежным. Так я шагал уже по песчаной полосе, тянущейся у самой воды и такой узкой, что к ней нелегко было приноровиться; руки я засунул в карманы, а лицо повернул под прямым углом к реке, и мой подбородок едва не касался плеча.

На прибрежных камнях сидели изящные ласточки.

Вдруг толстяк внятно сказал: «Милый человек, не пытайтесь меня спасти. Это месть воды и ветра; пробил мой час. Да, это месть за то, что мы с моим другом-богомольцем слишком часто нарушали покой этих стихий громким пением, сверканием цимбал, громом труб и всплесками литавр».

Маленькая чайка, распластав крылья и не снижая скорости, пролетела сквозь его живот.

А толстяк продолжал:

б) Начало разговора с богомольцем

Было время, когда я день за днем ходил в одну и ту же церковь, ибо был влюблен в девушку, которая молилась там, преклонив колена, каждый вечер в течение получаса; в это время я мог спокойно любоваться ею.

Однажды, когда девушка не пришла и я в досаде оглядывал молящихся, взгляд мой привлек молодой человек, всем своим тощим телом распростершийся на полу церкви. Время от времени он приподнимал голову и, тяжело вздохнув, изо всей силы бился ею о свои ладони, лежащие на каменном полу.

В церкви находилось лишь несколько старушек, которые то и дело поворачивали в его сторону повязанные платками головы, чтобы взглянуть на богомольца. Внимание их, по-видимому, было ему приятно, ибо перед очередным приступом религиозного рвения он всякий раз обводил взглядом присутствующих, проверяя, достаточно ли много свидетелей его молитвенного экстаза.

Я нашел такое поведение недостойным и решил заговорить с ним, когда он выйдет из церкви, чтобы выяснить, почему он молится таким странным образом. И вообще я был расстроен, поскольку моя девушка не пришла.

Но он только через час поднялся с пола, степенно осенил себя крестным знамением и неровной походкой направился к кропильнице. Я встал у него на дороге между кропильницей и выходом из церкви, твердо решив не выпустить его наружу, не получив объяснения. Я даже подвигал губами, как делаю всегда, готовясь к трудному разговору. Правую ногу я слегка выдвинул вперед и перенес на нее всю тяжесть тела, в то время как носком левой лишь едва касался пола; такая поза тоже придает мне решимости.

Вполне возможно, что этот человек уже заметил меня краем глаза, когда кропил свое лицо святой водой, а может, его еще раньше встревожило мое пристальное внимание к его особе; во всяком случае, он вдруг ринулся к выходу и стремглав выбежал на улицу. Застеклен-

ная дверь захлопнулась за ним. Когда я следом вышел наружу, его уже не было видно: возле церкви начиналось несколько узких переулков, да и уличное движение там было довольно оживленное.

В последовавшие затем дни он отсутствовал в церкви, зато моя девушка появилась. На ней было черное платье, отделанное на плечах прозрачными кружевами, прикрывавшими полукруглый вырез сорочки и заканчивавшимися шелковым воланом, ниспадавшим красивыми складками. С приходом девушки я и думать забыл о молодом богомольце и не обращал на него внимания и тогда, когда он вновь стал регулярно приходить в церковь и молиться обычным для него способом. Но он всегда старался побыстрее прошмыгнуть мимо меня, отвернув лицо. Может быть, оттого, что я представлял его себе только в движении, мне показалось, что он ускользает от меня, даже когда он стоял не двигаясь.

Как-то раз я задержался дома дольше обычного. Но тем не менее отправился в церковь. Девушки там уже не было, и я хотел было вернуться домой. Но тут заметил того самого молодого богомольца, по-прежнему лежащего на полу. Я вспомнил о давешнем случае, и любопытство вновь овладело мной.

На цыпочках я выскользнул на паперть, подал монетку сидевшему там слепому и опустился рядом с ним на каменный пол, укрывшись за распахнутой створкой двери. Так я просидел битый час, чувствуя себя большим хитрецом. Мне было хорошо на паперти, и я решил чаще здесь бывать. Но когда пошел второй час, я счел бессмысленным дольше торчать тут ради этого странного богомольца. И тем не менее, уже злясь на самого себя, еще целый час терпел, что пауки ползают по моей одежде. В это время из темного провала церковной двери, шумно дыша, начали выходить последние прихожане.

Тут и он появился. Ступал он очень осторожно, как бы пробуя ногой пол, прежде чем шагнуть.

Я вскочил, решительно преградил ему путь и схватил за шиворот. «Добрый вечер», – сказал я и, не выпуская из руки его воротник, подтолкнул его к ступенькам вниз, на освещенную площадь.

Оказавшись на площади, он заговорил дрожащим голосом: «Добрый вечер, уважаемый, уважаемый сударь, не сердитесь на вашего преданнейшего слугу».

«Я хочу вас кое о чем спросить, сударь: в прошлый раз вы от меня удрали, нынче это вам вряд ли удастся».

«Но ведь вы добрый человек, сударь, и отпустите меня домой. Я жалок, жалок, вот и вся правда».

«Нет! – громко воскликнул я, стараясь перекричать шум проезжавшего мимо трамвая, – не отпущу! Именно такие истории мне больше всего нравятся. Вы для меня – счастливая находка. Я поздравляю себя с такой удачей».

Но он возразил: «О Боже, у вас отзывчивое сердце и умная голова. Вы называете меня счастливой находкой; как же вы, наверное, счастливы! Но несчастье мое шатко, оно качается на острие иглы и может свалиться на того, кто к нему прикоснется. Спокойной ночи, сударь».

«Хорошо, – сказал я, не выпуская его правую руку, – если вы мне не ответите, я начну кричать прямо здесь, на улице. И все продавщицы, рабочий день которых сейчас заканчивается, и их кавалеры, которые с нетерпением поджидают их возле магазинов, сбегутся сюда, решив, что пала извозчичья лошадь или случилось еще что-то в этом роде. И тогда я покажу вас людям».

Тут он принялся со слезами целовать мои руки. «Я расскажу вам все, что вы хотите узнать, но прошу вас, пройдемся лучше вон в тот переулок». Я кивнул, и мы с ним пошли.

Однако темный проулок с редкими фонарями показался ему недостаточно уединенным, и он ввел меня в низенькое парадное какого-то старого дома, где и остановился под тусклой керосиновой лампой, освещавшей начало деревянной лестницы.

Потом неторопливо вынул из кармана носовой платок и, расстилая его на ступеньке, сказал: «Присядьте, сударь, так вам будет удобнее спрашивать, а я останусь стоять, так мне будет удобнее отвечать. Только не мучайте меня».

Я сел и сказал, глядя на него с прищуром: «Да вы законченный психопат, вот вы кто! Как вы ведете себя в церкви! Как это все смешно и как неприятно для присутствующих! Когда смотришь на вас, разве придешь в молитвенное настроение?»

Он стоял, привалившись всем телом к стене, так что двигать мог лишь головой. «Не сердитесь – зачем вам сердиться из-за того, что не имеет к вам отношения. Я сержусь, только если сам веду себя не лучшим образом; но если кто-то другой ведет себя плохо, я радуюсь. Так что не сердитесь на меня за то, что я вам сейчас скажу: для того я и молюсь, чтобы на меня посмотрели».

«Что вы такое говорите! – воскликнул я слишком громко для такого тесного помещения, но, спохватившись, побоялся приглушить голос. – В самом деле, что вы такое говорите! Да, я догадался, когда впервые вас увидел, в каком состоянии вы находитесь. Я с этим сталкивался и вовсе не шучу, когда называю это состояние морской болезнью на суше. Суть ее состоит в том, что забываешь подлинные названия вещей и поспешно даешь им другие, совершенно случайные. Лишь бы побыстрее, лишь бы побыстрее! Но, едва придумав, тут же их забываешь. Например, тополь посреди поля, который вы назвали «вавилонской башней», поскольку не помнили или не желали помнить, что это тополь, опять безымянный качается у вас перед глазами, и вы называете его уже «подвыпивший Ной».

Меня несколько обескуражил его ответ: «Я рад, что не понял того, что вы сказали».

И я, уже волнуясь, поспешил парировать: «Тем, что вы этому рады, вы показываете, что вы все поняли».

«Конечно, показываю, милостивый государь, но и вы говорили довольно странные вещи».

Привалившись спиной к одной из верхних ступенек, я облокотился о нее обеими руками – к такой позе прибегают боксеры, когда хотят уклониться от ударов противника, – и сказал: «Забавный у вас способ защиты: вы предполагаете, что другие находятся в том же состоянии, что и вы».

Тут он приободрился. Сцепив руки и как-то подобравшись всем телом, он сказал, преодолевая легкое внутреннее сопротивление: «Нет, я этого не делаю по отношению ко всем, в том числе и по отношению к вам, просто потому, что это невозможно. Но был бы рад, если бы было возможно, ибо тогда мне больше не нужно было бы привлекать к себе внимание в церкви. Знаете, почему мне это нужно?»

Его вопрос поставил меня в тупик. Конечно, я этого не знал, но думается, и не хотел знать. Ведь я и сюда идти не хотел, сказал я себе в ту минуту, этот человек просто заставил меня его выслушать. Так что мне достаточно было лишь покачать головой, дабы показать, что я этого не знаю; но оказалось, что сделать этого я не мог.

Мой собеседник улыбнулся. Потом смиренно опустился на колени и с сонным видом поведал: «Никогда я не мог убедить самого себя, что действительно живу. Дело в том, что все окружающее кажется мне рассыпающимся в прах, поэтому меня не покидает ощущение, будто все вещи некогда жили полной жизнью, но теперь близки к исчезновению. И всегда, сударь, всегда я испытывал мучительное желание увидеть вещи такими, какими их воспринимают другие люди, прежде чем увидеть их своими глазами. Ведь на самом деле они прекрасны и спокойны. Я в этом уверен, ибо часто слышу, что люди именно так о них отзываются».

Поскольку я ничего не ответил и лишь непроизвольными подергиваниями лица показал, что мне очень не по себе, он спросил: «Вы не верите, что люди так о них отзываются?»

Я считал, что должен в ответ кивнуть, но кивка не получилось.

«Вы действительно не верите? О, тогда послушайте: однажды, в детстве, открыв глаза после короткого послеобеденного сна, но еще не совсем проснувшись, я услышал, как моя

матушка, стоя на балконе, будничным тоном спросила кого-то внизу: «Что поделываете, дорогая? Нынче так жарко». И женский голос ответил из сада: «Пью кофе на открытом воздухе». Ответил без всяких раздумий и не очень отчетливо, словно полагал, что каждый и сам догадается».

Мне показалось, что он ждет от меня какой-то реакции. Поэтому я полез в задний карман брюк и сделал вид, будто что-то ищу. Но я ничего не искал, просто хотел изменить позу, дабы показать, что принимаю участие в разговоре. При этом я сказал, что случай этот весьма странен и что постичь его смысл я не могу. А также добавил, что не верю в его подлинность и что он вымышлен с определенной целью, которой я пока не уяснил. Потом я закрыл глаза, так как они причиняли мне боль.

«О, как славно, что вы одного мнения со мной и, значит, остановили меня без всякой корысти, – только, чтобы мне об этом сказать. Действительно, почему я должен стыдиться – или почему мы должны стыдиться – того, что я не держусь прямо и не ступаю тяжело, что не постукиваю тростью по тротуару и не задеваю одежды людей, с шумом проходящих мимо меня. Может, у меня еще больше оснований сетовать, что я кособокой тенью шмыгаю вдоль домов и иногда даже не отражаюсь в стеклах витрин.

Каким ужасом наполнены все мои дни! Почему все так плохо строится, что время от времени без всякой видимой причины рушатся высокие дома. Всякий раз я карабкаюсь по развалинам и спрашиваю каждого встречного: «Как это могло случиться? В нашем городе! И дом был совсем новый. Сегодня уже пятый по счету. Вы только подумайте». Но никто не может ответить.

Часто люди падают замертво прямо на улице. Тут все торговцы открывают двери своих забитых товарами лавок, мигом сбегаются к трупу и оттаскивают его в какой-нибудь дом, потом выходят на улицу, улыбаясь как ни в чем не бывало, и беседуют друг с другом: «Добрый день. – Небо что-то заволокло. – Головные платки нынче хорошо берут. – Да, война». Я подскакиваю к тому дому и несколько раз подношу согнутый палец к окошку привратника, прежде чем решусь постучать. Наконец говорю ему самым дружеским тоном: «Милый человек, в ваш дом только что внесли мертвеца. Дайте мне на него взглянуть, пожалуйста». А так как он качает головой, будто в нерешительности, я говорю уже напористее: «Милый человек. Я из тайной полиции. Сейчас же покажите мне труп». – «Какой такой труп? – переспрашивает он и делает оскорбленный вид. – Нет у нас никакого трупа. Здесь порядочный дом». Я прощаюсь и ухожу.

Но уж когда приходится пересекать большую площадь, я вообще забываю все на свете. Трудности, связанные с этим переходом, повергают меня в смятение, и часто я думаю про себя: если люди строят такие огромные площади только из высокомерия, почему не строят заодно и каменные барьеры, за которые можно было бы держаться. Дует, к примеру, сильный юго-западный ветер. Площадь продувает насквозь. Шпиль на башне ратуши описывает круги. Почему люди так толпятся? Какой ужасный шум! Оконные стекла дрожат, фонарные столбы гнутся, как бамбук. Каменный плащ святой Девы Марии вздувается колоколом и дергается под порывами ветра. Разве никто этого не видит? Мужчины и дамы, которым полагается ходить по тротуару, парят над землей. Когда ветер, чтобы перевести дух, на минуту стихает, они останавливаются, беседуют друг с другом и раскланиваются, прощаясь, но при новом порыве ветра не могут устоять и все одновременно трогаются с места. И хотя все вынуждены придерживать шляпы руками, вид у них веселый, словно погода их устраивает. Лишь я один в ужасе».

Заподозрив, что надо мной издеваются, я сказал: «История, которую вы до этого рассказали – про свою матушку и женщину в саду, вовсе не кажется мне странной. Я не только слышал и видел множество подобных случаев, но в некоторых даже сам участвовал. Ведь в нем нет ничего противоестественного. Да будь я на этом балконе, неужели вы думаете, что я не мог бы сказать и услышать из сада то же самое? Ничего особенного в этой истории нет».

Когда я это сказал, он просиял от радости. И заметил, что одет я с большим вкусом и что ему очень нравится мой галстук. И какой прекрасный у меня цвет лица. И что смысл признаний становится особенно ясен, когда от них отрекаются.

в) История богомольца

Потом он сел рядом со мной, видимо, заметив, что я сник, а я, отводя глаза, подвинулся, освобождая ему место. И все же от меня не ускользнуло, что и он испытывал какое-то замешательство, старался держаться от меня подальше и говорил уже нехотя:

«Каким ужасом наполнены мои дни!

Вчера вечером я был в гостях в одном доме. Только я поклонился одной девушке, стоявшей под газовым рожком, и сказал: «Я на самом деле рад, что скоро зима…» – только я поклонился ей с этими словами, как почувствовал, к своей большой досаде, что правое бедро выскочило из сустава. Да и коленная чашечка немного ослабла.

Поэтому я опустился на стул и сказал, как всегда, тщательно подбирая слова: «Ведь зимой от тебя не требуется так много усилий; зимой легче дается общение с людьми, не приходится так много разговаривать. Не так ли, милая барышня? Надеюсь, в этом отношении я прав». При этом правая нога продолжала меня сильно беспокоить. Поначалу казалось, что она вообще развалилась на части, и лишь потом я постепенно кое-как привел ее в порядок, с силой наступив на нее и подвигав в разные стороны.

И тут девушка, из сочувствия ко мне тоже опустившаяся на стул, вдруг тихо сказала: «Нет, вы мне совсем не нравитесь, потому что…»

«Погодите, милая барышня, – нетерпеливо перебил я ее, очень довольный, – вы не потратите на беседу со мной и пяти минут. Да и угощаться я вам не помешаю. Вот, прошу вас».

С этими словами я протянул руку, взял из высокой вазы, поддерживаемой бронзовым малюткой с крылышками, большую кисть винограда и, подержав ее в воздухе, положил на тарелочку с синей каемкой и галантно подал девушке.

«Вы мне совсем не нравитесь, – повторила она. – Все, что вы говорите, скучно и непонятно, но это еще не значит, что вы правы. Мне думается, сударь, – кстати, почему вы все время называете меня «милая барышня»? – мне думается, вы только потому отворачиваетесь от правды, что она для вас слишком утомительна».

Боже, как я обрадовался! «О да, о да, фройляйн, – я едва не кричал, – как вы правы! Милая барышня, поймите, какое невыносимое счастье знать, что тебя так понимают, хотя ты этого совсем не ожидал».

«Правда для вас слишком утомительна, сударь, иначе чем объяснить ваш вид! Кажется, будто вас вырезали из папиросной бумаги, этакий желтенький прозрачный силуэт. И когда ходите, наверняка шелестите, как папиросная бумага. Поэтому не стоит особо углубляться в обсуждение ваших мнений или суждений, ибо вас колышет даже от сквозняка».

«Я вас не понял. Здесь, в гостиной, находятся и другие люди. Одни стоят, опершись о спинки стульев или прислонившись спиной к роялю, другие робко прихлебывают из рюмки или смущенно выскальзывают в соседнюю комнату, где не горит свет, и в темноте тут же больно ударяются плечом о какой-нибудь шкаф, а потом стоят у открытого окна, якобы для того, чтобы подышать свежим воздухом, а сами думают: «А вон там – Венера, вечерняя звезда». И я нахожусь в обществе этих людей. Если между нами и есть какая-то связь, я ее не улавливаю. Но я даже не знаю, существует ли эта связь на самом деле. Получается, милая барышня, что из всех этих людей, правду о которых мы не знаем, ведущих себя столь нерешительно и даже смешно, видимо, я один заслуживаю того, чтобы выслушать правду о себе. И чтобы сделать ее еще более приятной для меня, вы высказываете ее насмешливым тоном, дабы я понял, что сказано не все и остается еще что-то, как после пожара в каменном доме что-то все же остается благодаря его солидным стенам. Дом просматривается насквозь, сквозь пустые проемы окон днем видны

облака на небе, а ночью звезды. Однако облака часто перерезаются серым камнем, а картина звездного неба искажается. Что, если я отвечу вам откровенностью на откровенность и скажу, что все люди, считающиеся живыми, когда-либо будут выглядеть, как я – то есть, согласно вашему определению – силуэтами, вырезанными из желтой папиросной бумаги, и при ходьбе издавать шелест. Суть их не изменится, но выглядеть они будут иначе. И даже вы, милая…»

Тут я заметил, что девушки рядом со мной уже не было. Видимо, она ушла вскоре после своей последней реплики и теперь стояла далеко от меня, у окна, в компании трех молодых людей в высоких белых воротничках, оживленно беседовавших между собою.

Я с удовольствием выпил рюмку вина и направился к пианисту, который в это время самозабвенно играл на рояле какую-то печальную вещь. Не желая его испугать, я деликатно склонился к его уху и тихо шепнул на фоне музыки: «Будьте добры, сударь, дайте теперь мне сесть за рояль, ибо я собираюсь быть счастливым».

Но он не послушался, и я некоторое время нерешительно переминался с ноги на ногу рядом с ним, а потом, преодолевая робость, стал переходить от одного гостя к другому, небрежно бросая на ходу: «Нынче я буду играть на рояле. Вот как».

Казалось, они знали, что играть я не умею, но тем не менее вежливо улыбались в ответ, словно считали мои слова беззлобной шуткой, на миг прервавшей их беседу. И насторожились, лишь когда я громко заявил, обращаясь к пианисту: «Будьте добры, сударь, дайте теперь мне поиграть. Ведь я собираюсь быть счастливым. Это будет моим триумфом».

Пианист оборвал игру, но с табурета не встал и, видимо, не понял, чего я хочу. Он лишь вздохнул и закрыл лицо руками.

Мне стало немного жаль его, и я уже хотел было предложить ему продолжить игру, но тут к нам подошла хозяйка дома с группой гостей.

«Что это ему пришло в голову!» – сказали они и громко расхохотались, как будто я собирался совершить нечто противоестественное.

Та девушка тоже подошла к нам, бросила на меня презрительный взгляд и сказала хозяйке дома: «Сударыня, дозвольте ему поиграть. Вероятно, он хочет как-то развлечь собравшихся. Похвальное желание! Прошу вас, сударыня».

Все весело зашумели, ибо, очевидно, решили, как и я, что в словах ее таится ирония. Лишь пианист молчал. Он сидел, склонив голову, и указательным пальцем левой руки водил по сиденью табурета, словно рисуя на песке. Я весь дрожал, и чтобы это скрыть, сунул руки в карманы брюк. Внятно говорить я тоже уже не мог, ибо едва удерживался от слез. Поэтому я был вынужден тщательно подбирать слова, дабы окружающим и в голову не пришло, будто я готов расплакаться.

«Сударыня, – сказал я, – мне необходимо сейчас поиграть, ибо…» Но так как я начисто забыл причину, то взял и просто сел рядом с пианистом. И тут только понял, в какое положение сам себя поставил. Пианист поднялся и из деликатности перешагнул через табурет, ибо я мешал ему пройти. «Пожалуйста, погасите свет, я могу играть только в темноте». Я выпрямился.

Тут двое из гостей подхватили табурет и отнесли меня на нем к накрытому столу, подальше от рояля: при этом они насвистывали какую-то мелодию и слегка раскачивали меня из стороны в сторону.

Все отнеслись к их действиям одобрительно, а та девушка сказала: «Видите, сударыня, он очень мило сыграл. Я так и знала. Зря вы боялись».

Я все понял и в знак благодарности раскланялся по всем правилам.

Мне налили лимонного сока, и какая-то барышня с ярко-красными губами держала стакан, покуда я пил. Хозяйка дома подала мне на серебряной тарелочке пирожное безе, и другая девушка, одетая в белоснежное платье, положила его мне в рот. Пышнотелая барышня с копной белокурых волос все это время держала надо мной виноградную кисть и заглядывала мне в

глаза, так что мне оставалось лишь отщипывать ягоды и стараться не встретиться с барышней взглядом.

Все были так милы ко мне, что я, естественно, очень удивился, когда все поголовно бросились меня удерживать, заметив, что я вновь вознамерился сесть за рояль.

«Всему есть мера, – заявил хозяин дома, которого я до той минуты не замечал. Выйдя из гостиной, он тотчас вернулся, держа в руках высоченный цилиндр и красновато-бурое летнее пальто в цветочках. – Вот ваши вещи».

Хотя вещи были вовсе не мои, но я не хотел затруднять его новыми поисками. Хозяйка дома собственноручно помогла мне надеть пальто, которое пришлось мне как раз впору и сидело даже чересчур в обтяжку на моем тощем теле. Какая-то дама с добрым лицом, склоняясь все ниже и ниже, застегнула все пуговицы пальто сверху донизу.

«Ну, будьте здоровы, – сказала хозяйка дома, – и не исчезайте надолго. Вы знаете, что мы всегда рады вас видеть». Тут все гости отвесили мне поклон, словно он был мне так уж нужен. Я попытался ответить им тем же, но пальто было слишком узко. Так что я просто взял в руку цилиндр и довольно неуклюже двинулся вон из комнаты.

Но когда я мелкими шагами вышел из дома, на меня навалился сверху необозримый свод неба с луной и звездами, а спереди – Староместская площадь с ратушей, столпом Девы Марии и костелом.

Я спокойно выступил из тени под лунный свет, расстегнул пальто и погрелся; потом, воздев руки к небу, заставил ночной шум улечься и стал размышлять:

«Да что же это такое? Почему вы все делаете вид, будто и впрямь существуете? Хотите, чтобы я поверил, будто меня, нелепо стоящего на позеленевших плитках мостовой, на самом деле нет? Но ведь тебя, небо, давно уже не существует, а тебя, Староместская площадь, и вовсе никогда не было.

Правда, вы все еще сильнее меня, – однако лишь тогда, когда я оставляю вас в покое.

Слава Богу, луна, что ты больше уже не луна; и я, наверное, напрасно все еще называю тебя луной, ведь ты всего лишь самозванка. Отчего ты тускнеешь, когда я называю тебя «забытый бумажный фонарик странного цвета». И отчего поспешно ретируешься, стоит мне назвать тебя «столп Девы Марии»; да и ты, столп, теряешь грозную свою осанку, как только я называю тебя «луна, отбрасывающая желтый свет».

Мне и вправду сдается, что вам не на пользу, когда о вас думают; и бодрости духа, и здоровья у вас от этого убывает.

Боже, как думающему человеку, наверное, полезно поучиться уму-разуму у пьяного!

Почему все вдруг стихло? Кажется, и ветер улегся. И маленькие домики, часто катающиеся по площади, словно на колесиках, прочно вросли в землю. И стоят тихо-тихо, не шелохнутся. Не видно той тонкой черной черты, которая обычно отделяет их от земли.

Я припустил бегом. Три раза кряду я без помех обежал просторную площадь и, не встретив ни одного пьяного, помчался, не снижая скорости и не чувствуя усталости, в сторону Карлова переулка. Тень моя, то и дело уменьшаясь в росте, бежала рядом со мной по стене, словно ныряла в какое-то полое пространство между стеной и улицей.

Пробегая мимо пожарной части, я услышал шум, доносившийся с Малой Страны, а свернув туда, увидел пьяного, стоявшего, раскинув руки, у решетчатой ограды фонтана и громко топавшего ногами, обутыми в деревянные сабо.

Сперва я немного постоял, чтобы отдышаться, потом подошел к пьяному, снял цилиндр и представился: «Добрый вечер, высокородный господин, мне двадцать три года, но имени у меня пока еще нет. А вы, догадываюсь, носите удивительное, чуть ли не легендарное имя и только что прибыли из великого города Парижа, ибо источаете сверхъестественные ароматы растленного тамошнего двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.